

Пьяные шахматы

Направленность: Другие виды отношений

Автор: Фениксуэтта_де_печенькф (<https://ficbook.net/authors/369223>)

Фэндом: Ориджиалы

Рейтинг: PG-13

Жанры: POV, Дружба

Предупреждения: Нецензурная лексика

Размер: Мини, 5 страниц

Кол-во частей: 1

Статус: закончен

Описание:

— Ты когда-нибудь выключала свет?

Удивленно смотрю исподлобья.

— Ну, это... выключаешь и — хуяк — темно.

Посвящение:

Света, я тебя обожаю.

Кристина, ну оставь отзыв, ну пожалуйста((9(

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Огромное спасибо пабликам "Под вечным вдохновением" и "

Ficbox | Коробка фанфиков" за этот восхитительный арт:

<https://pp.userapi.com/c604718/v604718468/3d903/NNdS7Jh7GX0.jpg>

элементы элементов фемслэша. гг сама не знает, что она есть и чего хочет.

писалось в каком-то угаре. Эта работа очень интимная для меня как для автора и человека. Присутствуют выдержки из реального письма, которое никогда не дойдет до адресата.

работа толком не вычитана.

здесь живет призрак, хе-хе.

Rammstein - Engel

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3

Часть 1

Но может тебя и на свете нету...

«Мельница» — «Королевна»

Орлы не порхают. Они парят. Бороздят небо. Имеют его по-всякому.

Мариам Петросян «Дом, в котором...»

*Мне не найти незаезженных рифм —
Что отмечено на циферблате, исполнится в срок.*

«Мельница» — «Поезд на Мемфис»

— Ф-фу... — с улыбкой выдыхает она. — Вот мы и встретились.

Тону в теплом пальто, расстегнутой рубашке и ярко-красной майке. Вдыхаю басовито пахнущие духи и пот. Улыбаюсь немногочисленными коренными зубами.

— Да, — шепчу, — встретились.

— Ну, где тут твоя хваленая кафешка? — Она отстраняется, снимает шапку и вновь ф-фукает.

Машу рукой куда-то вглубь и вверх. Торговый центр обширен, и кафешек, тем более хороших, в нем по горло.

Стоим на эскалаторе плечом к плечу. Она щебечет о чем-то своем, о шнурках своего бывшего, которые, по ее словам, имели шлюховатый характер: совокуплялись с каждой лестничной гусеницей; ни одни, смеется она, не прожили дольше месяца.

Вспоминаю, что брала последнюю пару рублей за двести, и тихо сочувствую ее бывшему.

Мышечная память ног ведет нас к бело-зеленым столикам у окна, задержав у зелено-белой стойки. Рассматриваю девушку по ту сторону: длинное лицо, подведенные снизу огромные глазищи, пересеченный шрамом нос, улыбочка Мэрилин Монро и подрагивающие паучьи лапки.

Она берет кофе и пончики с розовой глазурью, а я... Я разгуливаюсь. Поразительная для меня расточительность. Ролл с курицей, кофемашинная жижа и пакетик соли.

Избранный нами столик — само клише. Стоит у самого окна, призывно раскинувший диван и два тяжелых белых стула.

— А я шахматы привезла, — жизнерадостно говорит она, плюхаясь на диван и хлопая

зашрамленной рукой по участку обивки рядом. Опускаюсь и стучу по скинутому рюкзаку:

— Шахматы без бухла — вообще не то. Азарта ни хуя. В трезвом состоянии не порубишься на баблецо.

— Скажешь тоже, — смеется и передает мне жижу. Высыпаю соль в гущу. Лучший способ проснуться. — А я всегда считала тебя трезвенницей. А, кстати, подскажешь шампунь? А то они что-то не такие. — Она зарывается ладонью в длинные русые волосы и откидывает их. Один из биллиона приземляется на сидящего неподалеку паренька, уж очень заинтересованного своими кедами. Может даже, он брат ее бывшего.

— «Глисс кур». Мне норм.

— Да пробовала уже. Был бы прок от этой хрени.

— Что тебе еще надо-то? Классные же волосы. — Ворошу гриву на макушке, искусно создавая изящное воронье гнездо. Она слабо возмущается, касается моих пальцев, но чертыхается в сторону и обнимает меня за плечи, притянув ближе к себе.

— Бля, как же я по тебе соскучилась, — и я готова поклясться, что на мой свитер падает что-то из слезинового рода, впитывается в хитрую вязь, кожу и внутренние органы. Смешно было бы говорить, что она стала частью если не меня, то хотя бы тела; она уже давно поселилась где-то в глубинах клеток. Возможно, снимает комнатенку в сердце.

Поразительная идиллия, к которой поколоченная душа стремилась все те годы житья бок о бок с родителями.

— У изголовья сердце уловит вкрадчивый шаг, — вздрагиваю от внезапного шепота и прозаически отзываюсь:

— Я слышу рокот ангельской крови в своих ушах. Чего там?

— Ролл принесли.

Вновь всматриваюсь в длиннолицую рабыню общепита. В глазах прямо-таки пылает ненависть к ЛГБТ-сообществу. Очень хочется расстроить ее: не принадлежу. Извините, мол. Но я лишь гаденько улыбаюсь и предлагаю тройные чаевые. Девушка отвергает их знаком и, якобы соблазнительно вскидывая короткие ноги, проплывает мимо кедного парня. Тот приподнимает брови и три раза плюет через левое плечо.

«У вас на плече побывавший во многих лапах волос бисексуалки», — хочется просветить его, но ролл кажется мне более важной проблемой.

— Так смотришь на него. I'll attack! Склеить хочешь?

— Нет-нет, ты чего.

Ролл разморил меня, и я готова, как и в прошлый раз, напиться и всю ночь пролежать

на ее груди, плача и жалуясь на родителей, ректора из студенческого прошлого и свои несмелость, неприспособленность ко взрослой жизни, одежду из секонд-хенда и прочее подобное.

Мне даже понравился ее дружеский успокаивающий поцелуй. Не понравились лишь неудобный расшатанный диван и то, что ни одна из нас не почистила зубы.

— Эй-эй, аккуратнее. — Она выхватывает чашку из моей руки. — Мимо рта проносишь. Сейчас облилась бы. Беспокоит что-то? Расскажи, я выслушаю, ты же знаешь.

В том-то и дело, что знаю.

— Да все то же. Мама, бессонница. Зарплата маленькая. — Усмехаюсь правым уголком губ. Впору рисовать косметическим карандашом продолжение улыбки — давно уже не использую левого уголка.

— Колись давай. Доверяешь же, — почему-то самодовольно.

— Скажи, — комкаю вытасченную салфетку, — ты как поняла, что тебе нравятся бабы?

— Чего ты ждешь? Какой-то безумно увлекательной истории? Хрен вот. Слишком приземленно.

— Да не томи.

Салфетка летит на стол, скользит по белой поверхности.

— Я тогда классе в девятом была. Меня старшеклассница совратила. Потом узнала, что кто-то разболтал об этом директорше. Естественно, скандал был. Мать плакала по ночам. А я дурой была, не понимала. Ты ведь помнишь, как мы встретились, — резкая смена темы — ее, так сказать, фишка.

Я помню, но молчу. Вспоминаю.

Очереди в поликлинике — жуткое испытание. Особого внимания заслуживают те кучки старушек, что постоянно ютятся у новенькой кардиологской двери. Среди них ты прямо Уинстон Смит в компании разведчиков: того и гляди — сгрызут, копыт не оставят.

Я оказалась в такой бандерложьей стае лет шесть назад. Под аккомпанемент ворчливых жалоб, духоты и запаха старости мое самосознание решило помахать ручкой и взять пятиминутный выходной. Упала в обморок. И носился со мной понятно кто.

В нашей жизни был период, когда мы вроде бы встречались. Причем я никогда не причисляла себя к бисексуалам. «Добра же желаю», — говорила она.

И, в общем-то, помогла выползти из этой постыдной страницы в моем суровом

прошлом.

— Ну хватит, живи в реальном мире, — возмущается она, распахивая глаза так, что густо накрашенные ресницы взлетают к бровям; ее извечная привычка. — Доставай свое пойло.

— Между прочим, со своим нельзя, тем более — с бухлом, — мягко напоминаю и подтаскиваю рюкзак ближе.

— Когда тебя колебали правила?

— Да, действительно! — Смеюсь в своей нелюбимой манере: громко, с каким-то повизгиванием, даже парень в кедах обернулся.

Быстро опрокидываю жижу, наливаю под столом красное полусладкое прямо в грязную чашку, делаю глоток, морщусь, передаю. Она делает глоток, морщится, передает.

— Уже можно в шахматы? — потянувшись к черной сумке, интересуюсь я. Предвкушение увлекательной партии охватывает меня с кончиков крашенных волос до дорогого педикюра, азарт выгоняет кровь из родных сосудов, подушечки пальцев вспоминают скол на верхней части туры.

— Давай еще по глотку. И пересядь, — машет рукой она, вынимая чашку из моей горсти. Некстати вспоминаю теорию непрямых поцелуев.

Наконец добираюсь до шахмат и пересаживаюсь на один из стульев. Правила всегда одни и те же: говори как можно больше разных умных вещей.

Мне достаются черные. Неспешно расставляю знакомые каждой потертостью фигуры. Пешки упорно не хотят помещаться в клетки.

— Ты когда-нибудь выключала свет?

Удивленно смотрю исподлобья.

— Ну, это... выключаешь и — хуяк — темно. — Она подталкивает пешку средним пальцем.

— Было дело. Зимой же фонари рано вырубают. Иду такая в ванную, зубы чищу. Выхожу, выключаю свет — и все. Я тогда пиздец как испугалась.

— В жизни так же, — усмехается и пытается выстроить нечто хитроумное. Съедаю несколько ее пешек, теряю две свои. — Возможно, даже наоборот. Тебе наконец включили свет, который ослепил тебя.

— Шах.

Она ойкает.

— А ты здорово прокачалась, — улыбается.

— За шестнадцать месяцев-то, — пожимаю плечами.

В прошлую встречу нас выгнали из кафе на другом конце города. Его стены были выкрашены в безумный голубой, а столы не вписывались в интерьер; грубые, явно сколоченные пьяным мастером табуреточных дел. Гонявшие пиво мужланы усмотрели шампанское в крохотных грязно-белых чашечках и незамедлительно наябедничали выдавшей виды официантке. Даже спустя столько времени вижу ее яростное лицо как наяву: мутные глаза навывкате, дрожащая нижняя губа и постоянно стучащий по мучнистой щеке ноготок.

— Эй, тоже ее вспомнила?

Тихо смеемся.

— Опять шах.

Сдвигает ладью куда-то в сторону, и я объявляю мат.

Демонстративно насвистываю «Маленькую ночную серенаду»:

— Изрекай.

— Я тону в море лжи, обретая ложное спокойствие.

— Это цитата.

— Не цитата, а преамбула, — поправляет невидимые очки. — Ты слушай. Я недавно по улице шла, а навстречу мне старушка такая. Остановилась, и я тоже...

— Цыганка поди? — возбужденно перебиваю.

— Слушай ты! Не сдержалась, спросила, мол, вы же не Аида Плаховна? А она такая подмигивает хитро, говорит: нет, мол, знаем мы эту вашу современную литературу. Что ж вам надо, говорю. Дите, несчастна ты, говорит. С чего бы, говорю. И тут она встает прямо-прямо и говорит, мол, мы причиняем больше всего боли тем, кому причинять боли не хотим. Прихожу тогда домой, звоню тебе, а номер недоступен. Я в панику; да как же так! ужас! Даже родителей твоих в вэка искала. Парню твоему пишу, а он больше не твой парень. Не представляешь, как мне хуево было.

Великолепно понимаю. Телефон украли, заплатить за интернет было нечем — какие новые мобилы!

Я тоже думала о ней.

Она подрывается и бежит к окну. Раздраженно спрашиваю, что там случилось.

— Наконец-то снег пошел. Мало его, но все же он есть. Лежит такой не при делах. Помню, поражались: «Ва, восьмое октября — снег лежит». А что? Леня было выпасть вовремя, решил пораньше, мол, пипл схавает, он же все ест. А может, он антагонист? Концентрированный Макишима в составе?

— Поразительно, как же общество влияет на нас. Вроде ты и вырос в совсем другом времени, но все равно перенимаешь те словечки, которые сейчас модные.

— Пожалуй, ты права. — Она возвращается и сгребает черные.

— Темно уже.

Я знаю, что мы не уйдем, пока не сыграем пяти партий. Негласный договор. И нерушимый.